

НОВЫЙ ГОД В РОССИИ
ИСТОРИЯ ПРАЗДНИКА

Анастасия Углик

**Новый год в России.
История праздника**

«ЭКСМО»

2016

УДК 379.8
ББК 88.3

Углик А.

Новый год в России. История праздника / А. Углик — «Эксмо»,
2016

История празднования Нового года в разных странах, застольные традиции и многое другое в роскошном подарочном издании к Новому году. Традиция отмечать зимнее солнцестояние была еще у наших далеких предков, древних славян. Встреча Нового года сопровождается самыми яркими ритуалами, а еще этот замечательный праздник прямиком родом из детства. Эта книга о том, как Новый год пришел в Россию, откуда есть пошла русская елка и где на самом деле живет Дед Мороз. С Новым годом!

УДК 379.8
ББК 88.3

© Углик А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Новый год: Предисловие	6
Новый год: Первые шаги	9
Хронология Нового года	10
Святочные бесчинства и ряжания	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Углик
Новый год в России. История праздника

© Углик А. В., текст, 2014

© Киноконцерн «Мосфильм», кадры из фильма

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

© Барто А. Л., наследники, текст

* * *

Новый год: Предисловие

Я узнала много нового, когда работала над этой книгой. Про рождественские колядки, например, и про рецепт настоящего салата оливье, который вся страна дружно ставит на столы в новогоднюю ночь (выяснилось, что наш салат имеет с ним мало общего). И про то, откуда пришла традиция приносить домой елки и наряжать их. А еще про то, как при советской власти эту традицию пытались искоренить и как она триумфально вернулась. Впрочем, вряд ли стоит здесь обо всем этом подробно рассказывать. Надеюсь, читатель книгу прочтет и все мои изыскания оценит. Но главную свою новогоднюю историю я в книгу не включила, поэтому рассказываю о ней здесь.

Нет ничего удивительного в том, что я считаю Новый год самым главным праздником, даже день рождения с ним ни в какое сравнение не идет. Это у многих так. Но вряд ли все, как я, до одиннадцати лет свято верили в Деда Мороза. Я бы и дальше (ну хотя бы еще пару лет) не сомневалась в его существовании и в его обязанности приносить мне гору подарков в ночь на 1 января, если бы моя мама повнимательнее проследила, насколько надежно прикрывает штора двухколесный – как у больших – велосипед, о котором я так долго мечтала. Но взрослые хлопотали, накрывая праздничный стол, и никто не заметил, как колесо предательски вывернулось... Заметила я. И отвернувшись, побежала на кухню к маме, стала что-то шумно и сумбурно рассказывать – судя по всему, пыталась заболтать и забыть свое ужасное открытие.

Переживать было из-за чего: мне надо было смириться с тем, что подарки в 1990-м попали в наш дом без помощи Деда Мороза, а я этого делать не хотела. Как же так, он же оставлял мне мешок подарков на балконе и стучал в окно, чтобы я их обнаружила, не дожидаясь меня только потому, что торопился к другим детям, и, распахивая дверь, я своими глазами видела на запорошившем балкон снегу след его огромного валенка! А годом раньше он аккуратно выкладывал подарки на каждой ступеньке лестницы, ведущей к нашей квартире, и нажимал на кнопку звонка. А не встречались мы с ним только потому, что я не успевала

добежать вовремя, но, открыв дверь, видела, как на площадке внизу мелькал край его красной шубы, отороченной белым мехом, и он, несомненно, слышал, как я громко кричала ему вслед: «Спасибо, Дедушка Мороз!» Ну, в общем, вы понимаете, что таких чудесных встреч с бородастым волшебником у меня было ровно десять. Всего десять. И они неожиданно закончились.

Расстроилась я. Расстроилась бабушка. Расстроилась тетя. Расстроилась мама, но постаралась взять себя в руки и, обняв меня, объяснила, что в этом году в мире родилось очень много детей и им, маленьким, Дед Мороз нужнее, чем большим, вот он и поручил родителям заменять его. А те просто люди, а не волшебники, поэтому у них не всегда получается так, как надо. Это объяснение как-то примиряло с тем, что произошло. Но было очень обидно. И до сих пор, вынимая из-под елки красиво упакованные подарки – а их по-прежнему много, так уж повелось, – я потихоньку, чтобы никто не заметил, вздыхаю: эх, Дедушка Мороз, ну как же все так получилось!

Впрочем, и в отсутствие Деда Мороза получилось совсем не плохо, даже хорошо. Наш семейный Новый год как-то плавно превратился в праздник длиною в три недели. В этом марафоне есть специальный день, когда привозят елку, огромную, трехметровую, в диаметре около двух метров, наполняющую дом ароматом свежей хвои. Мы с мамой ее долго и с удовольствием наряжаем. Когда выяснилось, что игрушки детства моей мамы и ее сестры не вынесли многочисленных переездов нашей долго кочевавшей по просторам страны семьи, мы открыли для себя польскую марку Komozia & M. A. Mostowski и теперь к каждому празднику подкупаем пару-тройку новых рукотворных чудес ее мастеров – сейчас они еле умещаются в две огромные коробки. Обычно это происходит 24 декабря, в канун католического Рождества (моя прабабушка Анна была полькой, и мы в этот день всегда вспоминаем о ней). Потом в течение недели почти каждый вечер принимаем гостей – моих, маминых и наших общих. Все они любят эти предновогодние посиделки, дарят нам новые игрушки – иногда попадаются истинно коллекционные экземпляры, украшавшие елки еще в начале прошлого столетия. Кстати, однажды на обнаруженной на Рогожском рынке елке мы насчитали 52 (!) родные шишки, и в том году именно они были самым лучшим украшением нашего новогоднего дерева.

Провожать старый год и встречать новый под нашей лесной красавицей и извлекать из-под нее подарки мы обычно никого специально не приглашаем, но всегда почти стихийно у нас в доме собирается небольшая дружная компания, с которой мы пьем шампанское под бой курантов. Завтрак 1 января – совсем другое дело, на него к часу дня почему-то возвращаются все, кто убежал в течение новогодней ночи к своим друзьям, родным и близким, чтобы прихватить их с собой и привезти к нашей елке. Однажды всем утренним гостям (их оказалось 24 человека!) не хватило огромного мамино неаполитанского пирога, к которому они, собственно, все и стремились. Пришлось предложить им тазик оливье, его мы с мамой накануне настрогали, когда словно в первый раз переживали события «Иронии судьбы». Салат смели за пять минут – а еще говорят, что он всем надоел до дрожи (между прочим, фуа-гра за новогодним столом таким успехом не пользовалась)!

В ленивые дни новогодних каникул (если мы никуда не уезжаем) к нам в дом приходят те, кто уже был с нами в ночь на первое, мы же время от времени выбираемся к ним. Или к тем, кто до нас по каким-то причинам не дошел. А в канун старого Нового года устраиваем Прощание с новогодней елкой – для этого праздника есть своя особая компания друзей, которые любят его даже больше, чем собственно сам Новый год. Тогда из-под елки уходят последние подарки. И на этом все заканчивается. До будущего Нового года. Так же растянутого во времени и такого же волшебного. И честное слово, ты, Дед Мороз, не прав, много лет назад отказавшись участвовать в этом марафоне. Меня до сих пор это немного огорчает.

Я узнала много нового, когда работала над этой книгой. Мне нравилось вспоминать свое детство и радоваться тому, что оно навсегда со мной. Я хочу сказать спасибо всем родным

и друзьям – без них этот праздник был бы неполным. Надеюсь, что, перелистывая эти страницы, вы испытаете что-то подобное. С Новым годом нас всех!

Анастасия Углик

Новый год: Первые шаги X–XVIII века

Хронология Нового года X–XVIII века

Отношения с календарем в нашей стране издревле были непростыми. Россия за свою относительно молодую историю перебрала пять способов летоисчисления, и переход ни на один из них не давался народу легко и безболезненно. Дата Нового года также двигалась по всему годовому циклу несколько раз, следуя за земледельческим календарем, упрямством церковных властей и пассионарной волей великих правителей.

Празднование Нового года у земледельческих народов (к которым относилось абсолютное большинство населения Европы) всегда связывалось с началом полевых работ. В Древнем Риме, который задавал тон в начале нашей эры, его отмечали в месяце марте, от которого и шло летоисчисление. Аграрный смысл мартовского времени в условиях Средиземноморья совершенно ясен: этот месяц воспринимался земледельческими народами как начальная дата одного из важнейших периодов года, может быть, даже более существенная, чем январское возрождение солнца. По существу, март и январь имели сходное значение дат, открывающих счет времени, но с марта можно было начинать обрабатывать землю.

Климат же наших территорий, во-первых, очень разнообразен (что не дает возможности установить дату Нового года для всех и сразу), а во-вторых, куда более суров, чем итальянский. В календарном марте снег может лежать даже в самых южных, черноземных районах. Так что, по всей видимости, древние обитатели этих земель начинали свой новый год с того месяца, когда весна приходила в их местность. У якутов, например, народный Новый год приходился на май (поздняя весна и позднее начало работ), а у монголов, которые находятся в совершенно других климатических условиях, «цагаан сар – белый месяц» попадал на февраль. В средней же и северной России март никогда не был месяцем начала полевых работ «На Еремея (1 мая) – ленивая соха в поле выезжает» – говорит народная пословица. Украинский сельскохозяйственный календарь говорит, что 25 марта земля открывается «на сеянье»: «до благовещенья не начинали севбы на нивах, и поспешали кончать оранку на ярину; а на благовещенском тыждне – вдовый плуг».

И тем не менее в средневековой Руси до середины XIV века Новый год справлялся 1 марта. Впрочем, это не отменяло того факта, что в декабрьские и январские дни народная обрядность расцветала самым пышным цветом. И все это несмотря на неодобрение, а часто и прямые запреты церкви, а вслед за ней и светских властей. Русское самосознание складывалось на территориях средней и северной Руси, и здесь в бытовом обиходе одновременно присутствовали обе даты Нового года – и официальная, и не очень. Но и остальные земли не отставали: зимнее солнцестояние было самым любимым временем в деревне – бытовые заботы отходили на второй план, и начинались праздники.

Праздничные катания, 1780-е годы

В памятниках древней литературы мы находим упоминания о такой двойной системе отсчета начала года. Близкие к языческим временам источники переломным часто назначают святочный период, и тот факт, что он совпадает с Рождеством, а все остальное летоисчисление благополучно ведется от сотворения мира, никого не смущал. Дело было совсем не в недавно укоренившемся христианском празднике, а в пережитках солнечного культа, который еще сохранял свою силу.

То ли в 1348 году, то ли в конце XV века (ученые до сих пор спорят по этому поводу) православная церковь перенесла начало года на первое сентября. Это соответствовало указу Никейского собора и было ближе по смыслу к земледельческим реалиям – в первый осенний месяц как раз заканчивали собирать урожай и начинали готовиться к зиме. Но у церковников были свои резоны: они хотели утвердить свое значение в личной жизни каждого человека. Поэтому дата нового Нового года была определена священной историей, а не сельскохозяйственным календарем.

1 сентября 312 года византийский император Константин Великий разгромил римского императора Марка Аврелия Максенция (не путать с великим полководцем Марком Аврелием Антонином) в битве у Мульвиева моста на Тибре. Эта убедительная победа первого христианского императора позволила отцам Вселенского собора, состоявшегося в 325 году, назначить 1 сентября днем «памяти начала свободы христианской».

В православном календаре эта дата сохранилась по сей день. Она отмечена праздником Симеона-столпника, которого на Руси называли Семен-Летоприводец. К его дню было принято подбивать все договоренности, собирать все оброки и подати, завершать судебные разби-

рательства и оплачивать долги. Но никаких специальных праздничных ритуалов эта довольно искусственная для Руси дата еще сто лет не удаивалась.

Все изменилось в 1497 году, когда Великий князь всея Руси Иоанн III Васильевич принял новый свод законов, Судебник, где, кроме всего прочего, зафиксировал постановление Московского собора «считать за начало как церковного, так и светского нового года 1 сентября». Отмечал он его так же, как когда-то Константин Великий, – устраивал открытый прием в Кремле. В этот день любой страждущий мог прийти, поклониться государю и попросить у него защиты или помощи в решении конфликта. Споры на таких собраниях в основном обсуждались имущественные или чиновничьи. Кроме такого щедрого новогоднего подарка своим подданным, Великий князь повелел устраивать им и зрелища – 1 сентября начинало обростать церемониями.

Новогодний припев саратовской губернии

Уж вы, кумушки, мои голубушки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обещалися?
Что у вас-то мужья молодые,

У меня ли, у младеньки, старичище.
Не пускает старичище на игрище.
Я уходом от старова уходила,
Под полою цветно платье уносила,

У соседа под навесом одевалась,
Я белым-то снежком умывалась,
Я кисейным рукавом утиралась.
Я не долго и не мало проходила:

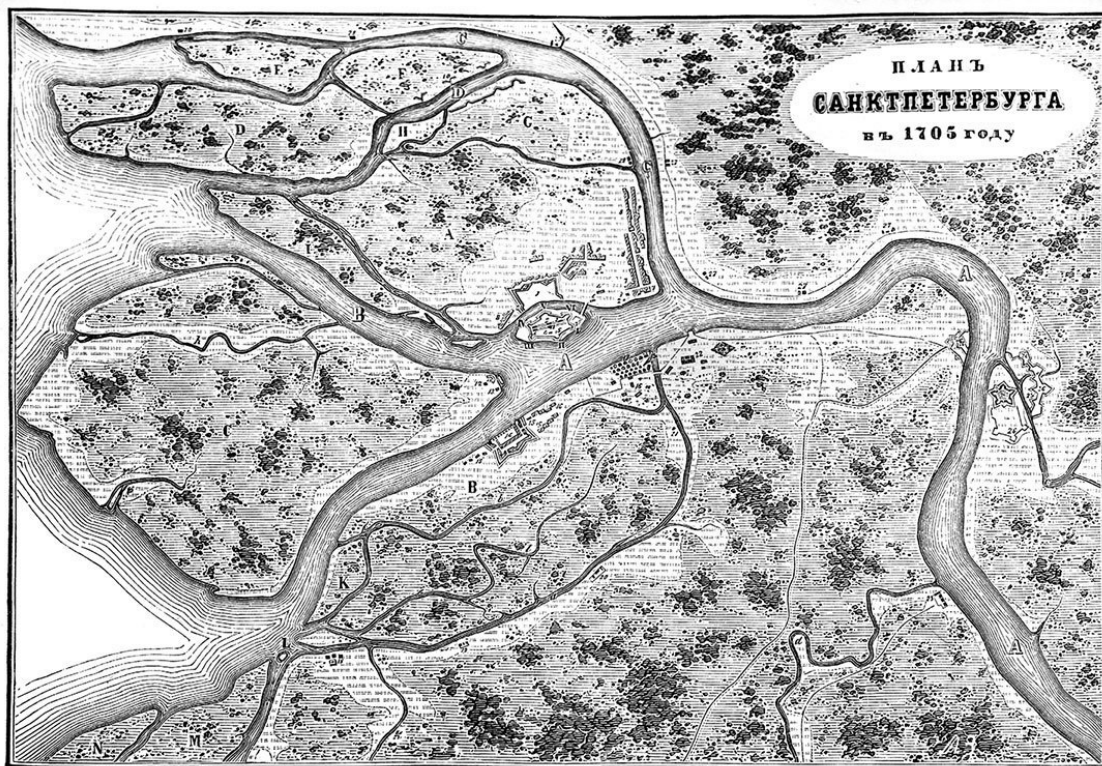
Со вечерней зари до бела дня.
Я не знаю, как старому подъявляться.
Уж я утушкой прилетала,
А касаточкой подъявлялась.

Уж я бряк-то, бряки у калитки,
Уж я стук-то, стуки за колечко,
Как за то ли золотое за витое.
Как не лютые медведи заревели,

Не борзые ли собаки завизжали –
Заревел-то мой старый старичище,
Солезает старичище со печища,

Он снимает с черна крюка плетище,

Он бьет ли, не бьет полегоньку,
Что на каждое место по десятку,
Как и тут я старому возмолилась:
«Ты прости, сударь, меня, я не буду;
Как другой-то раз уйду, – я не приду!»

План города Санкт-Петербурга, 1705 год

Пригласительный билет на маскарад к Льву Александровичу Нарышкину, 1760-е годы

Станислав Хлебовский «Ассамблея при Петре I»

Адам Олеарий, немецкий путешественник, географ и ориенталист, автор «Описания путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» так живописует торжественное празднование 1 сентября в 1636 году: «На дворцовом дворе собралось более 20 тысяч чело-

век старых и малых. Из церкви, стоящей с правой стороны у входа на площадь, вышел патриарх со своим духовенством из 400 священников. Все в церковном облачении со множеством образов и с развернутыми старыми книгами. Его же Царское Величество, со своими государственными сановниками, боярами и князьями, шел с левой стороны площади. Великий князь с непокрытой головой и Патриарх в епископской митре вышли одни из хода, подошли друг к другу и поцеловались в уста. Патриарх подал также Великому князю поцеловать крест.

Затем в длинной речи он произнес благословление Его Царскому Величеству и всему народу и пожелал всем счастья на Новый год. Патриарх говорил так: «Дай, Господи! Вы, Царь Государь и Великий князь, всея России Самодержец, здоров был со своею Государынею Царицею и Великою княгинею, а нашею Великою Государынею, и со своими государевыми благородными чады, с царевичами и царевнами, и со своими государевы богомольцы, с преосвященными митрополиты и со архиепископы, и со епископы, и с архимандриты, и с игумны, и со всем Священным собором, и с бояры, и с христоролюбивым воинством, и с доброты, и со всеми православными христианы, здравствуй, Царь Государь, нынешний год и впредь идущий многие лета в род и во веки». Народ в подтверждение патриарших новогодних пожеланий громко кричал: «Аминь». Сирые, убогие, беззащитные и гонимые находились тут же в толпе с поднятыми вверх прошениями, которые они с плачем и рыданием повергали к стопам Великого князя, прося у него милости, защиты и заступы. Прощения относились в царские покои».

«ЧТО ПРИЛИЧНЕЕ И ЧЕСТНЕЕ ЕСТЬ? ПРАЗДНОВАТИ ЛИ
НОВОЛЕТИЕ НА ПАМЯТЬ ДАНЕЙ И ПОДАТЕЙ, ОТ КОНСТАНТИНА
НАЛОЖЕННЫХ, ИЛИ ТОГДА, КОГДА ПРАЗДНУЕМ ПРИШЕСТВИЕ
В МИРЕ СЫНА БОЖИЯ, ИМ ЖЕ МЫ ОТ ДОЛГОВ ВЕЧНЫХ И ОТ УЗ
НЕРЕШИМЫХ СВОБОДИМСЯ?»

Так все и было до 1 сентября 1698 года. Последний старорежимный Новый год был проведен очень весело. Его главным организатором стал воевода Шеин, который собрал огромное множество бояр, чиновников всех мастей и даже матросов. Сам Петр I подходил к каждому из собравшихся, дарил им яблоки и величал каждого своим братом. Каждый поднятый кубок сопровождался салютом из двадцати пяти орудий. Все, включая жену Петра, царицу Евдокию, и их наследника Алексея были одеты на западный манер. Исключение составляла только вдовствующая царица Прасковья Федоровна, которая упорно отказывалась снимать устаревший сарафан и облачаться в корсет. Вся гвардия шеголяла новыми мундирами с красными обшлагами и высокими ботфортами – в целом вид у всех был препаздный.

Но в конце 1699 года «лучшего ради согласия с народами европейскими в контрактах и трактатах» Петр Великий издал указ о переносе празднования Нового года. Высочайшей волей он назначил новой датой 1 января и отменил летоисчисление от сотворения мира. Теперь первое тысячелетие начиналось, как и у всех, с Рождества Христова. Это помогало скоординировать жизнь России с Европой и при этом очень сильно ударило по церковному авторитету – светская власть брала верх над духовной. Причиной таких коренных перемен Петр называл то, что «не только во многих Европейских и Христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною нашею церковью во всем согласны, как валахи, молдавы, сербы, далматы и самые его Великого Государя подданные черкасы (то есть малороссы), и все греки, от которых наша вера православная принята, согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова в восьмой день спустя, января 1 числа, а не от создания мира, за многую рознь счисления в тех летах».

Его соратник и друг архиепископ Новгорода и Великих Лук, Российский Златоуст Феофан Прокопович разразился страстной речью в защиту перемен. В ней он вопрошал «пономарей и апостатей», недовольных этим «погублением лет Божиих»: «Что приличнее и честнее есть? Праздновати ли новолетие на память даней и податей, от Константина наложенных,

или тогда, когда празднуем пришествие в мире Сына Божия, Им же мы от долгов вечных и от уз нерешимых свободимся? От начала Христовой церкви ни пастыри, ни прочие христиане в посланиях и деяниях своих не писали числа лет ни от сотворения мира, ниже от Рождества Иисуса Христа, но именами настоящих (современных) римских консулов означали время. Только в шестом веке в римской церкви начали означать время от Рождества Христова, а в греческой за полторы тысячи лет не означивано и недавно означати стали, и то еще не повсеместным обычаем. Что же теперь скажете, слепые хронологи? Какая мечтаете лета Божии? И кто и где непреступно означати она узаконил? И кто и когда новолетие привязал к сентябрю? Привязано было, ведаем, но не крепким союзом. Силен же другой обычай, и разрешити союз тот, колыми же паче силен есть устав монарший».

Василий Иванович Суриков «Большой маскарад в 1772 году на улицах Москвы», 1900 год

Хотя эта перемена очень сильно отразилась на каждом жителе страны, но на фоне бесконечных нововведений, которыми было отмечено царствование Петра, прошла относительно спокойно. Никто не устраивал бесчинства, драки и ненужные кровопролития, только «ревнители древляго благочестия» разразились несколькими яркими памфлетами, которые мало кого обеспокоили.

Царский указ был зачитан 15 декабря 1699 года на Красной площади при большом скоплении народа. В нем, кроме указания на то, что Великий Государь Петр Алексеевич повелел «впредь лета счисляти в приказах и во всех делах и крепостях писать с 1 января от Рождества Христова», рассказывалось и как надобно теперь отмечать Новый год. «После благодарения Богу и молебного пения в церкви повелено было по большим проезжим улицам, и знатным людям и у домов нарочитых (именитых) духовного и мирского чина, перед воротами учинить некоторое украшение от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевельных. А людям скудным (т. е. бедным) хотя по древу или ветви над воротами или над хороминами своими поставить. И чтоб то поспело будущего генваря к 1-му числу 1700 сего года. А стоять тому украшению

генваря по 7-е число того же года. Да генваря ж в 1-й день, в знак веселия, друг друга поздравляти с Новым годом и столетним веком, и учинить сие, когда на Большой Красной площади огненные потехи начнутся, и стрельба будет, и по знатным домам боярским и окольныхчим, и думным знатным людям, палатного, воинского и купеческого чина знаменитым людям кое-муждо на своем дворе из небольших пушечек, у кого есть, или из мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракет, сколько у кого случится. А по улицам большим, где пристойно, генваря с 1-го числа по 7-е число по ночам огни зажигать из дров, или из хвороста, или из соломы. А где мелкие двory, собравшись по пяти или шести дворов, тако же огонь класть, или, кто хочет, на столбиках по одной или по две или по три смоляные и худые бочки, наполняя соломою или хворостом, зажигать, а перед бургомистрскою ратушею стрельбе и таким украшениям по их усмотрению быть же». Так все и случилось – 1 января 1700 года сам Петр I выпустил в воздух первую ракету. Она возвестила русскому народу наступление нового года. 1 сентября перестало быть поворотной датой в новой истории страны и осталось просто одним из многочисленных праздников в церковном календаре.

Святочные бесчинства и ряжання XIII–XVIII века

Новогодний период – Рождество и следующие за ним Святки – был особым временем в русской деревне. Народ не только ждал чуда, гадал и заклинал духов, но и просто веселился. Это единственное относительно свободное от хозяйственных забот время было свободно и по духу: молодые собирались на сборища, пели песни, рядились в диковинные наряды и делали все то, что было строго запрещено в обычные дни.

«В большие праздники сходится «большая вулица»: разряженные парни, девушки и молодые бабы собираются со всей деревни в одно место и именно на «Авсеевский куток»... устраивают «карагод», поют, пляшут, играют на свирели далеко за полночь», – записывает в начале XX века исследовательница курского фольклора Елена Резанова. Она же отмечает, что хотя песни и забавы, которыми сопровождаются праздничные посиделки, являются обычными для местности и исполняются в разное время года, но в новогодний период они приобретают особое значение и смысл.

Посиделки (или, как их еще называли, – посидки, вечерки, супрядки), зимние сборища молодежи – в будни для работы, а в праздники как развлечение, – начинались задолго до рождественских дней, с первых чисел декабря. Но пика своего они достигали именно в святочные вечера. Из рождественских дат можно отметить 22–23 декабря, когда девушки пекли пироги и угощали ими парней. Фольклористы уверяют, в бывшем Кадниковском уезде (это в Вологодской области), например, в некоторых святочных обычаях и до нашего времени сохранились приметы старины. Трудно сказать, так ли это, но еще несколько десятилетий лет назад во многих отдаленных поселениях святочные празднества продолжались с 22 декабря по 6 января. И в вечер на сочельник, а иногда и 22 декабря девушки продолжали устраивать «копыльные вечера» (копыл – это прялка). За прялкой, понятное дело, в этот вечер никто не сидел, однако девушки должны были продемонстрировать потенциальным женихам свою домовитость. Они и старались: в складчину покупали продукты, пекли пироги и накрывали общий стол, к которому приглашали парней и угощали их чаем, пирогами и другими яствами. Когда пироги кончались, на стол ставилось решето, в которое парни клали карамель, пряники, орехи и прочие лакомства. Девушки делили их между собой, после чего начинались игры и пляски – иногда на всю ночь.

Праздничный характер таких предсвяточных сборищ подчеркивают все исследователи русского быта. «Перед святками начинаются обыкновенно «сборные» беседы, или «свозные». На такие беседы собираются обыкновенно парни и девушки из нескольких соседних деревень. На таких беседах деревенские парни-женихи «выглядывают», или «высматривают», себе невест из чужих деревень. Нечего, конечно, и говорить, что на такие сборные беседы девушки являются разодетыми во все свои лучшие наряды».

Дореволюционная открытка «Жена везет пьяного мужа с посиделок», 1850-е годы

На эти праздничные «беседы» собирались всей деревней, без различия пола и возраста. В назначенную для праздника избу приходили соседи, а также парни и девушки из деревень в округе – и 10, и 15 верст не считались за расстояние. Девушки чинно рассаживались на лавках от печки до лицевого угла и от него до красного окна... Молодицы, старухи и женатые мужики, не участвующие в забавах, занимали места на лавках у печи и в само действие не вмешивались, были просто заинтересованными зрителями. Это правило нарушалось только в том случае, если молодежь, развеселившись, забывала о безопасности – в этом случае кому-то из старших женщин позволялось покинуть свое место в сторонке и остудить горячие головы – надо было следить за тем, чтобы не случилось пожара. Для неженатых молодых тоже было определено свое место: они размещались от красного окна до угла, где висели образа, «почестного», и от него до заднего, «полоненого» угла, направо от входа. Хозяин стоял у стола и принимал от парней деньги – за право посещения сборных бесед надо заплатить, да это и понятно, ведь дом после таких сборищ (а чего только во время этих праздников не случалось!) необходимо было приводить в порядок.

Все эти вечерки, разумеется, к христианскому празднику имели крайне мало отношения. Традиции их куда более древние, сохранившиеся от солярных культов, которых придерживались древние обитатели русской земли. Хотя дохристианский обряд со временем слился с христианским, но полного поглощения так и не произошло, несмотря на все проповеди и порицания церковников. Не смогли уничтожить народные гуляния и официальные запреты, издаваемые светскими и духовными властями. Указ Киевской духовной консистории от 1719 года, ссылаясь на «государево распоряжение», например, гласил: «...по указу его священной царского величества... дабы везде по городам, местечках и селах малороссийских поперестали богомерзских молодых людей зборища на вкулачки, Богу и человеком ненавистные гуляния, прозываемия вечерницы, на которые многие люде молодые и неповсягливие от родителей своих мужеска и женска полу дети по ночам купами собираючися, неисповедимия безчиния и мерзския беззакония творять, справуючи себе игры, танцы и всякие пиятихи сквер-

ная в воздух оскверняющая песней восклицания и козлогласования, откуда походят галасы, зачепки до сваров и заводов, почему найбарзей последуют и забойства, а наипаче подчас таких нечестивых зборов разние делаются эксцесса, яко то блудные грехи, девства растления, беззаконное детей прижитие...»

Эротические игры ряженных в русской традиции

Михаил Лазаревич Лурье

Бросается в глаза и чрезвычайная жестокость ряженных по отношению к тем, кого они вовлекают в игру. Наиболее яркие в этом смысле материалы представлены у Преображенского. Можно прийти к выводу, что некоторые игры сводились именно к истязанию присутствующих. Вообще в процессе игрища девушки должны были пережить ряд ощущений. Вызвать у них определенные эмоциональные переживания и физические состояния было одной из задач ряженных. Не только поведенческая, но и эмоциональная парадигма была запрограммирована для тех, кто включался в игру: в общей атмосфере раскрепощенности, возбуждения, веселья девушки должны были обязательно испытать неподдельные страх, стыд, отвращение и физическую боль.

Деревенские зимние сборища продолжали проводиться несмотря ни на официальные гонения, ни на деятельность сельского и городского духовенства, ни на возмущение народными обычаями благонамеренных журналистов.

В самой системе и организации рождественских вечеров имеются вариации. Видимо, под давлением церковников распространился запрет проведения их в первый день Рождества, так что возобновлялись они обычно на второй день. Также не всегда во время таких посиделок полностью отказывались от работы. Многие свидетельства указывают на то, что хотя бы видимость полезной деятельности сохранялась. «На посиденку приходят в лучших платьях,

и тоже не с иной работой, а исключительно с пряжей. Некоторые славнухи (невесты, славящиеся богатством, красотой или трудолюбием) украдкой с собой приносят уже готовую пряжу, так как заботливые матери каждый раз у возвратившейся с посиденки дочери осматривают, много ли напярла за вечер, а в иной веселый вечер, между тем, не удаётся и преслицы-то в руки взять. На святочных посиденках, пока не придут славнухи, плясок не бывает. Собравшиеся девушки прядут, а парни любезничают, шумят, поют песни и т. п. Но вот пришли и славнухи. Начинают устраивать игры, пляски... На этих посиденках как парни, так и девицы бывают и из других деревень, но только с той разницею, что парни приходят каждый раз из своей деревни, между тем как девицы приезжают к своей подруге или к кому-нибудь из родственников на все святки, а не на один вечер, и, конечно, не забывают прихватить свои наряды».

«ДЛЯ МНОГИХ МОЛОДЫХ ПАРНЕЙ СВЯТКИ СЛУЖАТ СМОТРИНАМИ И ОЗНАКОМЛЕНИЕМ С БУДУЩЕЙ НЕВЕСТОЙ. ПОЭТОМУ СПУСТЯ НЕДЕЛЬКИ ДВЕ-ТРИ СВАХА ПОЯВЛЯЕТСЯ В ДОМЕ КОТОРОЙ-НИБУДЬ ДЕВУШКИ, САДИТСЯ ПОД МАТИЦУ И НАЧИНАЕТ ВЕСТИ СВАТОВСТВО».

Документы точно указывают и время, какое продолжались зимние праздничные обряды, называя их игрищами. Например, в 1684 году патриарх Иоаким запрещал совершавшиеся в Москве «скверная и бесовская действия и игрища в навечерии Рождества Христова». Упомянутая о совершавшихся «мужи с женами и девки» «плясании», пении «бесовских песен», ряженых и т. п., он в своем указе писал: «...також и по Рождестве Христове во 12 днеш до Крещенья Господа нашего Иисуса Христа таковая же бесовская игралища и позорища содевают».

Как уже было сказано выше, песни, исполняемые на таких сборищах, не обязательно были новогодними по тематике – пелось все, что нравилось, что вообще любили петь. Поэтому понятие «святочная песня» часто неправильно интерпретируется исследователями-фольклористами. Когда они спрашивают у исполнителей: «Когда пелась эта песня?» и получают ответ: «На Святках», это не означает, что ее полностью выключали из других праздничных дат. Ответчик просто вспоминает самое яркое ее исполнение. Впрочем, бывали песни и совершенно тематические:

Нынче Святки – все святые вечера!
Все мои подруги на игрища пошли,
Мене, молоду, свекор не пустил.
Заставил мене свекор овин сушить.
И я-то со зла овин сожгла,
Овин сожгла и туды ж пошла.
Нынче Святки, все святые вечера!
Все мои подружки на игрища пошли,
Мене, молоду, свекры не пустила,
Заставила свекры красен натыкать.
Я со зла красна изорвала, берды выломала,
Берды выломала да и туды ж пошла.

«Для многих молодых парней Святки служат смотринами и ознакомлением с будущей невестой. Поэтому спустя недельки две-три сваха появляется в доме которой-нибудь девушки, садится под матицу и пресловутым предисловием начинает вести сватовство. Время от Святков до масленицы считается лучшим для заключения браков», – записывает Елена Резанова. Возможность заключения брачного союза вскоре после святочных вечеров учитывалась и родителями, имевшими детей «на выданье» и «на возрасте». Так что крестьянские семьи счи-

тали необходимым проведение святочных сборищ молодежи и стремились их во что бы то ни стало организовать, разумеется, исходя в этом из имевшихся возможностей. Неимущие крестьяне в складчину организовывали так называемые ссыпки. Ссыпки – тоже игрище, устраиваемое несколькими небогатыми крестьянскими семьями, «на которое может приходиться всякий, кто бы ни вздумал».

«Ты почто, мати, хорошу родила,
Гладко голову зачесывала,
Русу косу заметывала,
Алой ленточкой обертывала?
Мне нельзя будет к обедне ходить,
Нельзя Богу кланяться:
Со сторон люди зарятся,
Погощана пуше всех:
Чья это хорошая-баска?
Взял бы девушку замуж за себя!»

* * *

«Скоморох ходил вдоль по улице,
Вдоль по широкой;
Он и стучался, он и брякался
У честной вдовы под окошечком:
«Ты пусти, пусти, да честна вдова,
Скомороха ночевать!
Положи его на тесовую на кроватишку,
Ты на мягкую на перинушку,
На пуховую на подушечку!»

* * *

«На кабак идет детина – будто маков цвет;
С кабака идет детина – будто мать родила.
Встречала, замечала молодая жена:
«Поди, бляженик, домой! поди, курвяженик, домой!
Поди, пьяница, домой! поди, пропойца, домой!
Ох ты, прожил-пропил житье-бытье свое,
Житье-бытье свое, все приданое мое,
Все придано мое – данье матернее!»

Дореволюционная открытка из серии «Русские типы»

Владимир Лукич Боровиковский «Аллегория зимы», 1804 год

Игрище созывалось состоятельными крестьянами, имевшими в своей семье несколько девок. На игрище, как и на ссыпки, звали соседей, обращаясь с просьбой к хозяину дома, чтобы он пожаловал со всей семьей. Обычно следовал ответ – обещание прислать молодежь и полу-

отказ прийти самому. Приглашения адресовались не только к односельчанам, но и к живущим в соседних деревнях.

Так что можно смело утверждать, что вечеринки во время Святков были очень важным событием – на них неженатые парни и девушки получали шанс познакомиться, что было уже существенно для «брачного» развития событий. Поэтому и сами игры были особенными. Часто открывала сборище игра «Перепелка». Правила ее были такими: подойдя к девушке, парень ударял ее по плечу, после чего они кланялись друг другу и расходились по местам. Удар по плечу – символический знак женитьбы. Некоторые исследователи рассказывают и о другом, более прозрачном варианте: «На юге Петрозаводского уезда все парни по очереди берут каждую из девиц и, сделав вместе два круга, кланяются им и благодарят за то, что не отказались идти за них замуж». Почему-то это и называлось «жениться», хотя совершенно очевидно, что о браке здесь речь не идет, нельзя же жениться всем на всех.

За «Перепелкой» следовала «Утушка». Девушки заводили песню:

Утушка, поплавай-ко,
Серая, со селезнем,
Молодец со девушкой!

Затем самые смелые выкликают имена парней, которые подходят к ним, берут их за руки, то сводя в такт обе руки вместе, то разводя по сторонам, и перешептываются. Хор в это время поет несколько песен: «Не яхонтик по горнице катался»; «Ты почто, мати, хорошу родила»; «Не стойки по стойкам стоят»; «Поблекло, поблекло лицо»; «На кабак идет детина»; «Красна девица коров доила»; «Скоморох ходил по улице». Первые четыре песни в этой игре последовательно развивают одну тему: молодец уже думает о женитьбе, встречает девушку и понимает, что пришло ему время жениться, а девушке идти замуж. Три заключительные песни – это своего рода предостережение, все они связаны с темой плохой семейной жизни, отказа от замужества, об опасности встречи девушки с другом. То есть очевидно, что подобранные таким образом лирические и свадебные песни на вечерках превращались в игровые.

Еще один важнейший момент святочных собраний – это обязательное присутствие ряженых. Об исконном характере их свидетельствуют те же документы XVI–XVII веков, запрещавшие не только бесчинный «нощных говор и плещевание», но и одевание харь и масок. Но, как и в случае с самими вечерками, запреты и преследования не вытравили обряда. Больше того, собственно ряженье становилось основной чертой, выделяющей святочные вечерки из остальных зимних. Ряженые, именуемые «окрутчиками», «кудесниками», были носителями архаической обрядности, проводниками языческих традиций и карнавального духа – им отводилось особое место. «На Святках парни являются на беседы окрутчиками, т. е. наряжаются скоморохами и калекками. Скоморохи должны одеться в свое же платье, только вывороченное наизнанку, и прикрыть лицо платком или маской, а калекки и нищие покрываются каким-нибудь дырявым старьем, приделывают на спину горб и навешивают на себя кошелки и корзинки. Первые пляшут и выделывают разные штуки, а вторые подходят к зрителям просить у них милостыни» – так описывается ряженье в Вологодской губернии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.